

Дискурсивные и нарративные практики шотландских властей в рамках реализации повестки национально-территориального самоопределения Шотландии

Тюрин Е. А. *, Савинова Е. Н., Левочкина М. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС), Орел, Российская Федерация;
*turin.of.foveran@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье на примере Шотландии анализируются нарративные и дискурсивные практики политических сил, нацеленных на достижение национально-территориального суверенитета. Авторы подчеркивают актуальность задачи анализа тех причин, которые позволяют одним регионам и народам быть успешными на пути национально-территориального самоопределения, а другим достижение суверенитета дается труднее. По мнению авторов, именно такой контекст предполагает необходимость научного осмысливания нарративных и дискурсивных практик тех политических сил, которые в реальном политическом процессе реализуют повестку национально-территориального самоопределения. **Цель исследования:** анализ нарративных и дискурсивных практик Правительства Шотландии и Шотландской Национальной Партии, стратегия и тактика которых обусловлены особенностями шотландского национализма и спецификой идентичности шотландцев. **Методология исследования:** для достижения поставленной цели авторы применяли комплекс методов, среди которых следует особо отметить социокультурный подход, дающий возможность в процессе политологического анализа рассматривать общественно-политическое пространство сквозь призму современных мировых и локальных цивилизационных процессов, где политическая сфера испытывает на себе влияние социокультурных факторов. **В результате** проведенного анализа авторы пришли к выводу, что дискурсивные и нарративные практики шотландских националистов способствуют осознанию коренными шотландцами собственной национальной специфики, которая не вступает в противоречие с идентичностями этно-конфессиональных меньшинств, проживающих на территории Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, Шотландская Национальная Партия, национально-территориальное самоопределение, шотландский национализм, дискурсивные и нарративные практики в политическом процессе

Для цитирования: Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Левочкина М. В. Дискурсивные и нарративные практики шотландских властей в рамках реализации повестки национально-территориального самоопределения Шотландии // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 24–33.

Discursive and Narrative Practices of the Scottish Authorities in the Framework of the Implementation of the Agenda of National and Territorial Self-Determination of Scotland

Evgeny A. Turin*, Elena N. Savinova, Margarita V. Levochkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA), Orel, Russian Federation; *turin.of.foveran@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the narrative and discursive practices of political forces aimed at achieving national-territorial sovereignty on the example of Scotland. The authors emphasize the relevance of the task of analyzing the reasons that allow some regions and peoples to be

successful on the path of national-territorial self-determination, while others find it more difficult to achieve sovereignty. According to the authors, it is precisely this context that suggests the need for a scientific understanding of the narrative and discursive practices of those political forces that implement the agenda of national-territorial self-determination in the real political process. **The purpose of the study** is to analyze the narrative and discursive practices of the Scottish Government and the Scottish National Party, the strategy and tactics of which are determined by the peculiarities of Scottish nationalism and the specifics of the identity of the Scots. **Research methodology:** to achieve this goal, the authors used a set of methods, among which the socio-cultural approach should be particularly noted, which makes it possible in the process of political analysis to consider the socio-political space through the prism of modern world and local civilizational processes, where the political sphere is influenced by socio-cultural factors. **As a result of the analysis,** the authors came to the conclusion that the discursive and narrative practices of Scottish nationalists contribute to the awareness of indigenous Scots of their own national specifics, which does not conflict with the identities of ethno-confessional minorities living in Scotland.

Keywords: Scotland, the Scottish National Party, national-territorial self-determination, Scottish nationalism, discursive and narrative practices in the political process

For citing: Turin E. A., Savinova E. N., Levochkina M. V. Discursive and Narrative Practices of the Scottish Authorities in the Framework of the Implementation of the Agenda of National and Territorial Self-Determination of Scotland // Administrative consulting. 2023. N 1. P. 24–33.

Введение

В современном мире довольно заметно и подчас весьма обостренно стали проявлять себя тенденции национально-территориального самоопределения отдельных народов, этносов и различных (исторически сложившихся) устойчивых социокультурных общностей. Данные тенденции довольно часто трактуются как проявления сепаратизма, но толкователи должны отдавать себе отчет в том, что подобный взгляд на существующие реалии — это односторонний взгляд, обусловленный мнением государственного центра, навязывающего себя и свою власть «сепаратистски» настроенным субъектам. Абхазия, Южная Осетия, Донецкая и Луганская Республики — это примеры состоявшегося национально-территориального самоопределения лишь нескольких последних десятилетий и месяцев. Но есть и иные регионы, заявляющие свои права на суверенитет. Среди таковых хрестоматийными стали Каталония, Валлония, Страна Басков и, конечно, Шотландия. Последняя, кстати, была в 2014 г. ближе прочих к обретению национально-территориального суверенитета, хотя, так и не обрела его. В этой связи нам представляется довольно актуальной задача анализа тех причин, которые позволяют одним регионам и народам быть успешными на пути национально-территориального самоопределения, а другим достижение означенной цели дается труднее.

Данный контекст предполагает, на наш взгляд, необходимость научного осмысления нарративных и дискурсивных практик тех политических сил, которые, собственно говоря, в реальном политическом процессе реализуют повестку национально-территориального самоопределения. Именно поэтому целью данной статьи мы избрали рассмотрение нарративных и дискурсивных практик Правительства Шотландии, стратегия и тактика которого обусловлены особенностями шотландского национализма и спецификой национальной идентичности шотландцев.

Обсуждение

С глубокой древности Шотландия обладала всеми признаками суверенного государства, которые, хоть и претерпевали эволюционные изменения, но, тем не менее,

позволяли шотландцам осознавать себя единым народом по отношению к внешнему миру (например, к той же Англии). Это во многом объясняет тот факт, что вопрос о национально-территориальном суверенитете является для Шотландии и принципиальным, и актуальным. Впрочем, механизмы и пути решения данного вопроса, соответственно, функционируют и пролегают в различных социокультурных и общественно-политических координатах. В этой связи, следует сказать, что одним из важнейших аспектов решения проблемы восстановления национально-территориального суверенитета Шотландии, на наш взгляд, является задача перезагрузки шотландской идентичности, которая имеет ярко выраженную социокультурную специфику, по-прежнему, наиболее ярко проявляющуюся в противопоставлении Англии и ангlosаксам [2, с. 154; см. также 1; 3].

Отметим, что шотландское Правительство, в котором ключевые позиции принадлежат представителям Шотландской Национальной Партии (SNP), уже долгое время работает над перезагрузкой идентичности шотландцев, пытаясь очистить национальное самосознание от устойчивого налета британской имперской великороджавности, а также от англосаксонского менталитета, агрессивно насаждавшегося Лондоном со времен Унии и разгрома якобитов. Сегодня Правительство Шотландии подчеркивает такие качества своей нации, как открытость, инклюзивность, ориентация на внешний мир [7, с. 12], а также исторически сложившуюся социокультурную уникальность (но не исключительность) шотландцев. Все это стало одним из важнейших пунктов повестки шотландских властей и мощно вошло в их политический дискурс, который получил широкое распространение среди общественности, особенно во время кампании за независимость Шотландии в 2014 г.

Тогда Шотландию представляли как более эгалитарную страну с большей заботой о социальном обеспечении граждан, чем остальные части Соединенного Королевства, в частности, Англия [7, с. 34]. Этот дискурс SNP и ее представители во власти продолжают сохранять, что и понятно, учитывая актуализацию вопроса о проведении нового референдума по выходу Шотландии из состава Соединенного Королевства. Интересно, что одной из ключевых составляющих дискурса шотландских националистов является их промигрантская позиция, которая выгодно отличает политику Эдинбурга от дискриминационных шагов Лондона [16, с. 6].

Безусловно, не стоит идеализировать уровень интернационализма шотландцев, который представители самих этноконфессиональных меньшинств оценивают не всегда высоко. Недавние исследования выявили разрыв между промигрантской риторикой шотландских властей и наличествующими антимигрантскими настроениями населения на бытовом уровне [17, с. 337]. Несмотря на то что лидеры и сторонники SNP настойчиво описывают Шотландию как открытое и гостеприимное место для мигрантов, опросы, все же, показывают, что население к северу от английской границы не столь инклюзивно настроено, как того хотелось бы представителям этноконфессиональных меньшинств. Так, например, в 2017 и 2018 гг. респонденты, участвующие в опросе YouGov (Британская международная интернет-компания, занимающаяся исследованиями рынка и анализом данных), отметили, что не поддерживают рост миграции в Шотландию, считая, что в стране слишком много выходцев из других стран (особенно, стран Большого Ближнего Востока и Восточной Европы) [18, с. 1]. Впрочем, если бы шотландцы в массе своей были склонны к дискриминации, расизму и разным этнокультурным фобиям, то они, во-первых, не сформировались бы как полигэтничная нация, и, во-вторых, в мигрантской среде (а также у потенциальных мигрантов за пределами Шотландии) не сформировался бы так называемый «шотландский миф», представляющий эту страну весьма благоприятной для проживания. На наш взгляд, шотландские реалии все же существенно отличаются от общебританских (и западноевропейских) в плане благодушного отношения к этноконфессиональным меньшинствам в лучшую сторону.

Этому есть свои причины, большинство из которых, по нашему мнению, определяются национально-территориальным дискурсом, формируемым Правительством Шотландии.

Как было отмечено выше, SNP придерживается промигрантской дискурсивной линии, тем самым позиционируя шотландцев как самобытную и более гостеприимную нацию, из всех входящих в сообщество наций Соединенного Королевства. Эта линия реализуется с помощью специальных механизмов, которые используются для того, чтобы подчеркнуть определяемые самой Шотландией благоприятные характеристики. Более того, считается, что люди, критикующие инклюзивную репутацию шотландцев, дискредитируют страну, а это, в свою очередь, может привести к выведению их за пределы границ доминирующего общественно-политического дискурса, который базируется на особенностях шотландской национальной идентичности.

Одним из ключей к пониманию роли проблемы шотландской идентичности в развитии национального дискурса является решение вопроса об экономическом вкладе мигрантов, который политики SNP выдвинули на первый план в дискуссиях, связанных с отношением к этноконфессиональным меньшинствам.

Когда Соединенное Королевство пришло к референдуму по Brexit (выход Великобритании из Европейского союза, далее — брексит) в 2016 г., большинство шотландских избирателей (62%) проголосовали за то, чтобы страна осталась в Европейском союзе. Однако большинство британской общественности проголосовало за выход из ЕС, и поэтому Соединенное Королевство покинуло Европейский союз. В этой ситуации SNP заняла решительную позицию против брексита, которая использовалась в качестве дискурсивного аргумента, доказывающего открытость, гостеприимство и ориентированность на внешний мир Шотландии, чего не демонстрирует склонная Англия вместе с другими частями Соединенного Королевства.

Здесь следует уточнить, что не только националисты из SNP и примкнувшие к ней Шотландские зеленые, но и юнионисты (Шотландские лейбористы, Шотландские либеральные демократы и Шотландская консервативно-юнионистская партия) продвигают в политическом дискурсе тезис об инклюзивном и недискриминационном гражданском национализме шотландцев [12, с. 2].

Однако главным рупором идей гражданского национализма в стране всегда была и остается SNP, которая уже более десяти лет является доминирующей партией в шотландской политике. Она уже давно выдвинула в качестве своей основной цели государственно-национальную независимость Шотландии от Соединенного Королевства, и, следуя признать, была близка к этому в 2014 г.

Хотя референдум о выходе Шотландии из состава Соединенного Королевства, все же, с небольшим перевесом юнионистов был проигран, после 2014 г. поддержка SNP в народе заметно возросла, поэтому сегодня партия имеет социально-политические основания педалировать новую кампанию за проведение второго референдума о независимости.

Нынешняя SNP несколько меняет тактику, разыгрывая уже применяемую ранее карту создания в Шотландии благоприятных условий для мигрантов (прежде всего, из стран исламского мира). Однако акценты в дискурсе националистов сместились. Теперь можно наблюдать, что миграция чаще всего увязывается с экономическим вкладом, который могут предложить мигранты. Эта промигрантская позиция поддерживается общественными кампаниями по продвижению мультикультурного гражданства Шотландии, включая кампанию «Мы — Шотландия».

Впрочем, несмотря на инициативы и миграционную политику SNP, очевидно, что шотландская общественность по-своему смотрит на важность вклада, который мигранты разных этноконфессиональных групп вносят в экономику. В 2018 и 2020 гг. в опросах YouGov многие шотландские респонденты посчитали, что нигерийцы, со-

малийцы и румыны внесли, скорее, отрицательный экономический вклад в жизнь в Великобритании, чем положительный, и только 36% высказались в пользу того, что мигранты внесли позитивный вклад в развитие шотландских регионов [19, с. 1].

Подобные результаты опросов дискредитируют широкую концепцию инклюзивности, продвигаемую SNP, подчеркивая несоответствие между взглядами политической элиты и значительной части населения Шотландии.

Но есть и другая проблема. За макронarrативами шотландских властей об инклюзивности и терпимости, подчас, размытаются границы принадлежности к самой Шотландии, а также критерии доступности шотландской идентичности для этно-конфессиональных меньшинств [17, с. 341]. Впрочем, наполнение содержательной стороны собственного дискурса у самой SNP не оставалось на протяжении лет одним и тем же.

С начала 2000-х гг. SNP поддерживала гражданские националистические интерпретации шотландского происхождения и формулировала соответствующим образом как свою миграционную политику, так и публичный дискурс о преимуществах миграции. Шотландское Правительство провело кампании «Свежие таланты» (2004–2008 гг.) и «Одна Шотландия, много культур» (с 2002 г. по настоящее время), чтобы представить Шотландию как своеобразный рай для мигрантов. Кроме того, была разработана программа «Новые шотландцы (на 2018–2022 гг.)» с целью повышения эффективности механизмов интеграции лиц, ищущих убежища, а также улучшения положения беженцев, прибывающих в страну.

Поскольку в Шотландии наблюдается снижение рождаемости, приоритетом для прежнего и нынешнего руководства SNP было и продолжает являться привлечение высококвалифицированных мигрантов для обеспечения экономического процветания страны [9, с. 244]. Однако, несмотря на гражданско-националистическую риторику, партия столкнулась с критикой за то, что сосредоточилась на экономическом вкладе мигрантов, упуская из поля зрения социокультурную составляющую и вытекающие из нее преимущества, такие как языковое и культурное богатство этно-конфессиональных меньшинств, способных цивилизационно обогатить шотландскую нацию.

Сейчас ситуация немного стала меняться. Шотландия персонифицируется в политическом дискурсе как маленькая, гордая, гостеприимная, открытая и терпимая страна, что способствует развитию гражданских националистических настроений [4, с. 8]. Однако, несмотря на все усилия политиков по продвижению инклюзивного гражданского национализма, негражданские критерии продолжают влиять на общественное восприятие национальной принадлежности и «шотландской».

Интересно, что сами мигранты, прибывая в Шотландию, довольно активно принимают постулаты «шотландского мифа» об инклюзивности [13, с. 173]. Кроме того, некоторые исследователи выявили у мигрантов шотландский нарратив об отличии, в котором мифотворчество о национальных качествах открытости играет центральную роль [8, с. 322]. К тому же, чтобы компенсировать воспринимаемые визуальные различия, некоторые представители этноконфессиональных меньшинств из мигрантской среды (например, молодые сикхи, живущие в городских районах Шотландии) придерживаются фиксированных маркеров шотландского национализма, включая ношение килта и прочих атрибутов шотландского традиционного национального костюма [10, с. 1572]. Это стало их способом подчеркнуть свое чувство принадлежности к шотландскому государству наряду с выраженными политическими претензиями на национально-территориальный и культурный суверенитет. Таким образом, выводы исследователей отражают важность социокультурных маркеров и визуального отображения национальной принадлежности человека в Шотландии. Эти аспекты могут быть интерпретированы также в рамках процесса распределения гражданской ответственности.

Дискурс шотландской самобытности строится и передается на уровень широкой общественности, в том числе, через публичные выступления политиков. Так, например, первый министр Шотландии Никола Стерджен в своих выступлениях, касающихся как миграции, так и брексита, придерживается концепции открытой, инклюзивной, ориентированной на внешний мир Шотландии. Это важно, во-первых, для того, чтобы подчеркнуть, как изображаются мигранты в свете их экономического вклада, и, во-вторых, для представления шотландского общества как отличительно инклюзивного по сравнению с остальной частью Соединенного Королевства.

Важно иметь в виду, что причина, по которой выступлениям первого министра Шотландии уделяется большое внимание не только в Эдинбурге, но и в Лондоне, заключается в том, что сфера миграции является зарезервированным (в рамках деволюции) правовым и управленческим вопросом Великобритании. Это означает, что, несмотря на наличие политики и рекомендаций (например, Новая Стратегия интеграции шотландцев на 2018–2022 гг.), Шотландия как страна не имеет права определять свою миграционную политику. Таким образом, Эдинбург регулирует вопросы миграционной политики дискурсивно, поскольку любой действующий законодательный шаг должен согласовываться с Лондоном.

Дискурсивная практика шотландских властей, идеально опирающаяся на антианглийский/антибританский (антicolonиальный/антимперский) постулат о национальной самобытности и социальной справедливости шотландцев, оказывает должное воздействие на мигрантов. В 2019 г. на митинге в Глазго Н. Стерджен заявила, что Шотландия, к которой следует стремиться, является открытой, гостеприимной, разнообразной и инклюзивной страной, и ни одному тори никогда не будет позволено это изменить.

Используя подобные термины, SNP изображает Шотландию как рай для мигрантов. Н. Стерджен и ее единомышленники закладывают в макрополитический дискурс довольно четкие идеологемы, определяющие возможности каждого мигранта в Шотландии, а также подчеркивают возлагаемые на него ожидания.

В январе 2020 г., при запуске правительенной программы «Шотландская виза», Н. Стерджен заявила, что мигранты жизненно важны для страны. Впрочем, гуманистические аспекты национально-территориального дискурса, связанные с миграцией, стали чаще проявляться в выступлениях первого министра Шотландии.

Описание инклюзивности как необходимого условия для независимости Шотландии, где мигранты вносят свой вклад, Н. Стерджен затрагивает все чаще. Так, еще в 2016 г. в ходе выступления на партийной конференции SNP, она отметила, что инклюзивность является руководящим принципом всего того, что делает партия; он отражает то, за что выступают шотландские националисты и описывает, какой страной они хотят видеть Шотландию — страной, где ценят людей за их личный вклад в развитие общества, где о людях не судят по месту их рождения, цвету кожи или религиозной принадлежности. Это и есть инклюзивная Шотландия, над созданием которой, по версии Н. Стерджен, партия работает (Выступление первого министра Николы Стерджен на партийной конференции ШНП 2016).

Кроме того, после голосования по брексит Н. Стерджен в открытом обращении к гражданам ЕС, проживающим в Шотландии, призвала последних оставаться в стране, несмотря на выход Великобритании из Евросоюза. На этот раз она подчеркнула вклад мигрантов в культуру Шотландии и общественные заслуги, наряду с их вкладом в экономику. Зная, что эта речь вышла за рамки круга мигрантов из стран ЕС и достигла широкой шотландской общественности, можно уверенно сказать, что подобные действия лидера SNP стали еще одним шагом на пути дискурсивного закрепления постулатов о шотландской самобытности и инклюзивности в общественном сознании собственных сограждан. Более того, в то время как в своих

предыдущих выступлениях, говоря о миграции, Н. Стерджен ориентировалась на сугубо шотландскую общественность, означенное обращение стало первым, когда политик избрала в качестве своей аудитории мигрантов-граждан ЕС. Это также было ее признанием того, что мигранты из ЕС могут сыграть определенную роль в шотландской политике, поскольку Эдинбург ценит разнообразие и инклюзивность, в то время как Лондон это игнорирует. На этом примере можно увидеть, как политическая риторика, базирующаяся на соответствующем дискурсе, становится средством, с помощью которого шотландский лидер пытается консолидировать мигрантов из ЕС как возможных будущих сторонников национально-территориальной независимости Шотландии.

Другим дискурсивным аспектом, используемым SNP для подчеркивания самобытности Шотландии, является отсылка к европейскому партнерству, которое Н. Стерджен использует, чтобы заручиться поддержкой движения за независимость. Это следует из использования внешнего взгляда, чтобы обозначить Шотландию как проевропейскую страну. Так, политик утверждает, что для шотландского Правительства независимость — это не изоляционизм, который характеризует брексит. Вместо этого независимость означала бы признание и принятие взаимозависимости с другими странами. Шотландия всегда будет стремиться быть близким союзником и партнером с соседями в Европе. Кстати, заметно, что последние годы подчеркнули важность этой позиции (Выступление первого министра Николы Стерджен в Национальном собрании Франции 19 февраля 2019 г.). Шотландия, следуя своим традициям и практике, является открытой и ориентированной на внешний мир страной, и она полна решимости оставаться такой же в будущем. Шотландия хочет укреплять международные отношения, а не отходить от них (Выступление первого министра Николы Стерджен на фестивале «Сделано в Шотландии», Брюссель, 11 июня 2019 г.) — таков вектор означенного дискурсивного аспекта в риторике лидера SNP.

В приведенных выше двух примерах Н. Стерджен подтверждает то, что Элис Браун и другие исследователи назвали современным и прогрессивным мировоззрением Шотландии, которое выражается в обещании оставаться членом Европейского союза [5, с. 13]. Однако исторически SNP не всегда была проевропейской политической партией. До 1988 г. руководство партии выступало против членства в Европейском сообществе. Видя, что антиевропейский голос набирает обороты в английской/британской политике, SNP изменила свой взгляд на симпатии к ЕС, чтобы достичь своей цели — национально-территориальной независимости в составе объединенной Европы. Это остается их позицией до настоящего времени. Хотя, на наш взгляд, шотландскому руководству следует хорошо подумать, следует ли Шотландии менять хозяина, поскольку господство Лондона выглядит временами приличнее, чем тирания Брюсселя.

Тем не менее все указывает на то, что SNP была и остается pragmatичной партией в вопросах, связанных с Европой, и этот pragmatism часто формулировался вопреки позиции британских властей. Примерами этого являются и дебаты по брекситу, и дебаты по вопросам миграции. В приведенном выше примере внедряемый в широкое общественное мнение образ Шотландии — это образ современной, прогрессивной и ориентированной на внешний мир страны. Более того, Н. Стерджен пошла дальше, продвигая гражданский нарратив шотландской национальной идентичности в своем видении независимой Шотландии.

Заключение

Таким образом, существенное влияние на процесс национально-территориального самоопределения Шотландии оказывают (направленные как на собственных граждан, так и на мигрантов) дискурсивные аспекты риторики и самой политической

повестки шотландского Правительства в части социокультурной самобытности этой страны. Такое содержательное наполнение политического дискурса способствует осознанию коренным населением Шотландии собственной национальной идентичности, которая не вступает в противоречия с идентичностями различных этноконфессиональных меньшинств из мигрантской среды.

Отметим, что 6 мая 2021 г. SNP победила на очередных выборах в шотландский Парламент, пообещав провести новый референдум о независимости Шотландии. В ближайшее время мы, вероятно, увидим дальнейшее укрепление идеологических постулатов, которые опираются на концепт «мы против диктата Лондона и господства ангlosаксов». В рамках этой базовой идеологемы нарративные и дискурсивные практики будут продолжать играть значительную роль в деятельности тех политических субъектов, которые ставят своей целью обретение Шотландией национально-территориального суверенитета.

Путь, по которому пойдет Шотландия, не только определит будущее Соединенного Королевства, но и будет иметь последствия для других национально-территориальных образований и их позиционирования перед лицом международного сообщества. В данном контексте проблема научного осмыслиения нарративных и дискурсивных практик шотландского политического руководства является довольно актуальной для отслеживания тенденций национально-территориального самоопределения в современном мире.

Литература

1. Апрыщенко Ю. В. Шотландия в Новое время: в поисках идентичности. СПб. : Алетейя, 2016. 720 с. EDN VJUBUD.
2. Меркулов П. А., Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Эволюция шотландской национальной партии в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского национализма // Власть. 2017. Т. 25. № 6. С. 153–159. EDN YULOLJ.
3. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Переверзева О. В. «Мягкая сила» как социокультурный ресурс политического противостояния Эдинбурга и Лондона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 4 (845). С. 118–130. EDN EOXNYD.
4. Bechhofer F., McCrone D. National Identity, nationalism and constitutional change. In: National identity, nationalism and constitutional change // Berlin : Springer. 2009. P. 1–16.
5. Brown A., McCrone D., Paterson L., Surridge P. The Scottish electorate: the 1997 // Springer : General Election and Beyond, 1998.
6. Butler J. Bodies that matter: on the discursive limits of sex. Routledge, 2011. 256 p.
7. Davidson N., Liinpää M., McBride M. & Virdee S. No problem here: understanding racism in Scotland. Edinburgh : Luath Press Limited. 2018.
8. Gawlewicz A. “Scotland’s Different”: Narratives of Scotland’s Distinctiveness in the Post Brexit-Vote Era // Scottish Affairs. 2020. N 29 (3). P. 321–335. DOI: 10.3366/scot.2020.0326.
9. Hepburn E., Rosie M. Immigration, nationalism, and politics in Scotland. The politics of immigration in multi — level states. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 241–260.
10. Hopkins P. Managing Stranger hood: Young Sikh Men’s Strategies // Environment and Planning A. 2014. N 46 (7). P. 1572–1585. DOI: 10.1068/a46263.
11. Hussain A. M., Miller W. L. Multicultural Nationalism: Islamophobia, Anglophobia, and Devolution. Oxford : Oxford University Press on Demand, 2006.
12. Leith M. S. Political discourse and national identity in Scotland. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012.
13. Liinpää M. Nationalism from above and below: Interrogating race, ethnicity and belonging in post-devolutionary Scotland : PhD diss. University of Glasgow, 2018. 293 p.
14. McCrone D. The new sociology of Scotland. London : Sage, 2017.
15. McCrone D. & Bechhofer F. Understanding national identity. Cambridge : Cambridge University Press. Medda-Windischer. 2015.
16. Phipps A., Fassetta G. A Critical Analysis of Language Policy in Scotland // European Journal of Language Policy. 2015. N 7 (1). P. 5–29. DOI: 10.22439/fs.v0i16.4116.

17. Sime D. New scots? Eastern European young people's feelings of belonging and national identity in Scotland post-Brexit // Scottish Affairs. 2020. N 29 (3). P. 336–353. DOI: 10.3366/scot.2020.0327.
18. YouGov: Where the public stands on immigration [Электронный ресурс]. URL: <https://YouGov.co.uk/topic/s/politics/articles-reports/2018/04/27/where-public-stands-immigration> (дата обращения: 19.07.2022).
19. YouGov: Scottish independence: Yes leads by 53% to 47% [Электронный ресурс]. URL: <https://YouGov.co.uk/topic/s/politics/articles-reports/2020/08/12/scottish-independence-yes-leads-53-47> (дата обращения: 19.07.2022).

Об авторах:

Тюрина Евгения Анатольевича, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; turin.of.foveran@yandex.ru

Савинова Елены Николаевны, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; SavinovaE.N@yandex.ru

Левочкина Маргарита Владимировна, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация); margariarl77@mail.ru

References

1. Apryshchenko Yu. V. Scotland in Modern times: in search of identity. Saint Petersburg : Aleteya, 2016. 720 p. EDN VJUBUD (in Rus).
2. Merkulov P. A., Tyurin E. A., Savinova E. N. The evolution of the Scottish National Party in the struggle for national self-determination of Scotland: on the question of the peculiarities of Scottish nationalism // Power [Vlast']. 2017. Vol. 25. N 6. P. 153–159. EDN YULOLJ (in Rus).
3. Tyurin E. A., Savinova E. N., Pereverzeva O. V. "Soft power" as a socio-cultural resource of the political confrontation between Edinburgh and London // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki]. 2021. N 4 (845). P. 118–130. EDN EOXYND (in Rus).
4. Bechhofer F., McCrone D. National Identity, nationalism and constitutional change. In: National identity, nationalism and constitutional change // Berlin : Springer. 2009. P. 1–16.
5. Brown A., McCrone D., Paterson L., Surridge P. The Scottish electorate: the 1997 // Springer : General Election and Beyond, 1998.
6. Butler J. Bodies that matter: on the discursive limits of sex. Routledge, 2011. 256 p.
7. Davidson N., Liinpää M., McBride M. & Virdee S. No problem here: understanding racism in Scotland. Edinburgh : Luath Press Limited. 2018.
8. Gawlewicz A. "Scotland's Different": Narratives of Scotland's Distinctiveness in the Post Brexit-Vote Era // Scottish Affairs. 2020. N 29 (3). P. 321–335. DOI: 10.3366/scot.2020.0326.
9. Hepburn E., Rosie M. Immigration, nationalism, and politics in Scotland. The politics of immigration in multi — level states. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 241–260.
10. Hopkins P. Managing Stranger hood: Young Sikh Men's Strategies // Environment and Planning A. 2014. N 46 (7). P. 1572–1585. DOI: 10.1068/a46263.
11. Hussain A. M., Miller W. L. Multicultural Nationalism: Islamophobia, Anglophobia, and Devolution. Oxford : Oxford University Press on Demand, 2006.
12. Leith M. S. Political discourse and national identity in Scotland. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012.
13. Liinpää M. Nationalism from above and below: Interrogating race, ethnicity and belonging in post-devolutionary Scotland : PhD diss. University of Glasgow, 2018. 293 p.
14. McCrone D. The new sociology of Scotland. London : Sage, 2017.
15. McCrone D. & Bechhofer F. Understanding national identity. Cambridge : Cambridge University Press. Medda-Windischer. 2015.
16. Phipps A., Fassetta G. A Critical Analysis of Language Policy in Scotland // European Journal of Language Policy. 2015. N 7 (1). P. 5–29. DOI: 10.22439/fs.v0i16.4116.

17. Sime D. New scots? Eastern European young people's feelings of belonging and national identity in Scotland post-Brexit // Scottish Affairs. 2020. N 29 (3). P. 336–353. DOI: 10.3366/scot.2020.0327.
18. YouGov: Where the public stands on immigration [Electronic source]. URL: <https://YouGov.co.uk/topic/s/politics/articles-reports/2018/04/27/where-public-stands-immigration> (accessed: 19.07.2022).
19. YouGov: Scottish independence: Yes leads by 53% to 47% [Electronic source]. URL: <https://YouGov.co.uk/topic/s/politics/articles-reports/2020/08/12/scottish-independence-yes-leads-53-47> (accessed: 19.07.2022).

About the authors:

Evgeny A. Turin, Associate Professor of the Chair of History, Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; turin.of.foveran@yandex.ru

Elena N. Savinova, Associate Professor of the Chair of History, Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; SavinovaE.N@yandex.ru

Margarita V. Levochkina, Postgraduate Student of the Chair of History, Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation); margariarl77@mail.ru